

Сороковой – роковой.

Борис Завадский

Рассказ посвящен светлой памяти Альберта Хлебникова

Ох, кое-как до избушки дотащился, все кости ломит, будто дубиной отхлестали. Раньше такого не помню. Весь день, бывало, гоняешь, вечером возле избы развалишься на снегу и спишь. А теперь мерзнуть стал, вторую осень под нары прошусь. Здесь, конечно, уютнее - тепло, и хозяин с тобой разговаривает. А усталость все равно не проходит...» - таковы были думы старого охотничьего пса Барса, лежавшего под нарами и краем глаза следившего за хозяином. Белой масти, широкогрудый, с мощными лапами, он выглядел еще вполне крепкой рабочей лайкой, хотя ему шла уже пятнадцатая осень. Только присмотревшись к его потемневшей морде, на которой виднелось множество шрамов и рубцов, можно было понять, что пес прожил долгую охотничью жизнь. Следы звериных зубов и когтей были оставлены не только на ушах и морде, но и на всем теле Барса. Больше всего ему доставалось, конечно, от соболей, поскольку их было добыто на его веку более трех сотен, а примерно от каждого десятого собаке перепадало. Доставалось и от собратьев кобелей во время драк за суку или на охоте. Были и более солидные следы укусов рыси и медведей - всякое с ним бывало. Мудрость и опытность отражались в спокойном, внимательном взгляде его темно-карих глаз. Ведь не каждая рабочая лайка доживает до столь солидного возраста.

«Раньше и лапы так не болели, - продолжал размышлять Барс, - а теперь ноют, подушечки горят, словно кипятком ошпарили. Посиди-ка во дворе год на привязи, а потом сразу в тайгу. Лапы-то мягкие, не набитые, первые дни шибко тяжело. Ну, ничего, через неделю буду бегать как молодой, хотя места здесь, в Саянах, тяжелые. Сплошные косогоры, увалы, скальники, каменные россыпи по километру длиной, на них валуны с эту избушку. На дерево редко соболя загонишь, уходит, окаянный, под валуны или в корни, а они толщиной чуть ли не со ствол. Дымит, дымит хозяин, ворочает каменюки вагой, костры палит, а толку мало. Тяжело в этих горах охотничать. А сколько раз приходилось у костра ночевать? Мне-то переспать на снегу легко, зато хозяину достается. Откроешь ночью глаза, вроде уже и выспался, а он все сидит, курит, кочегарит костер, да пьет чай кружку за кружкой... Я люблю ночевать у костра, только вот кормежки мало, одни передки от беличьих тушек-куряжек, а задки хозяин сам съедает. Зато, когда в избушку придем, тут уж наешься досыта. Но только вечером, а утром и сухаря не перепадет, чтобы легче мне с пустым брюхом бегалось.

...Неудачный день был сегодня, гонялись за двумя соболями, ни одного не взяли. Снега мало, по чернотропу глаза не работают, чутье у меня собачье, но я же не овчарка, чтобы выслеживать по голой земле. Первого-то может и распутал бы, да помешала Ласка. Сама не соображает ничего, а лезет вперед, носится, хвостом мельтешит, запутала все и ускакала. Хоть и дочка она мне, а толку с нее пока нет никакого.

Второго выследил на лежке, залаял; у соболя гнездо было в корнях. Хозяин пришел только через полчаса, походил вокруг и давай стрелять по кедрине. Я обрадовался, начал на дерево гавкать, оказалось - себе же на шею. Отматерил меня хозяин, обозвал старым пустолаем. И ушел я от кедра как оплеванный. За что он меня обидел, когда сам не разобрался?»

Между тем, хозяин в это время копошился у печки и что-то бормотал, обращаясь к своей старой собаке:

- Верю, верю, Барсик, что ты устал, я и сам едва на ногах стою. Но ты-то лежишь, а мне еще сколько дел надо переделать.

Охотник был среднего роста, худощавый, с густой окладистой бородой темно-русого цвета. Движения его были быстры и уверенны, он все делал непринужденно, почти автоматически. Не раздеваясь, сразу же затопил железную печку, поставил на нее чайник и кастрюльку с глухаринным супом. Потом взял ведро, вышел на улицу и разжег костер, дрова для которого были приготовлены заранее. Пока костер разгорался, сходил за водой, одно ведро занес в избу, второе повесил на таган - варить собакам. Только после этого вошел в уже согревшуюся избушку и стал раздеваться, сразу вешая одежду на свои места для просушки, так что все стены оказались увешаны «шмотками». Переодевшись в сухое, охотник сел ужинать, точнее - перекусить старым варевом до настоящего

ужина. Тем временем закипела вода в собачьем ведре на костре. Хозяин засыпал туда крупы, поставил варить себе новый суп и чай, после чего сел на чурбан и с удовольствием свернул махорочную сигарку.

Пока остывала собачья еда, охотник ободрал и обезжирил пять добытых за день белок. По здешней тайге это был бы неплохой результат, если б добавить к ним еще хоть одного соболишку. Тайга на Буйбе высокая и густая, хоть кедры, хоть пихты - за тридцать метров ростом.

- Зря ты у меня, Барсик, белку не лаешь, все-таки и копейка, и мясо. Сейчас накормлю вас, да и на покой пора.

Хозяин разлил в долбленные из кедра корытца литра по три жидкой каши, сам сел за стол, и все с аппетитом поужинали. Ласка сразу же забралась под нары, растянулась во всю длину, вытянув ноги, и мгновенно уснула, тихо поскуливая и дергая во сне лапами. Охотник в это время собирал котомку на завтрашний день. Он положил под спину безрукавку на случай ночлега в тайге, топор в чехле, мешочек с котелком и продуктами. Лишь после этого стал укладываться на ночлег.

- А ты что, Барсик, не спишь? Отдыхай, друг, смотри как дочке-то сладко спится, вот что значит молодая и здоровая. А когда-нибудь и она также будет пялить глазищи, вспоминать молодость. Все старики одинаковы, что у нас, что у собак... Так что, давай-ка спать, время уходит.

Постепенно сон сморил Барса. Ему приснилось, как они с Лаской гнали соболя по свежему следу. Зверек не успел прыгнуть на дерево и затаился в норе. Собаки вместе копали землю, соболь был уже близко, но тут прибежал хозяин и громко щелкнул затвором. Барсик вздрогнул и проснулся. Оказалось, это хозяин брякнул дверцей, растапливая печку.

Было полпятого, до намеченного выхода оставалось полчаса. Охотник быстро подогрел завтрак, поел и стал одеваться. Перед уходом он опять присел на чурку и закурил. Собаки мирно лежали под нарами. Они не имели права ходить по зимовью, шариться в углах и вообще вылезать из-под нар. Эти правила они выполняли беспрекословно, зная, что хозяин, хоть и любит своих помощников, но в обращении с ними строг.

- Ну, ладно, управились, кормить вас утром не буду, надо двигаться, чтобы к рассвету выйти на гриву. Эй, друзья, кончай ночевать! Кеч!

Собаки разом выскочили на улицу. На дворе стояла темная зимняя ночь. Перед самым выходом охотник налил в карбидную лампу теплой воды, зажег горелку, на переднюю часть которой была привязана половина консервной банки из-под сгущенного молока, отражавшая свет вперед и вниз. Лампа пристегивалась на пояс, освобождая руки. Охотник считал, что карбидка для тайги удобнее, чем керосиновая лампа, она может служить также и фонарем. Поэтому вместо керосина или солярки он брал карбид.

Подъем на гриву был крутой и длинный. Продвигались медленно, обходя колоды и густой кустарник. По такому крутяку нужно было идти примерно два часа, дальше место было ровнее и более пологое. - Ну, Барс, в семь часов погасим фонарь, в котомку его бросим, а потом через час и стрелять можно. До рассвета ты всегда сзади плетешься, правильно, береги силы. Это Ласка по молодости шарится где-то вокруг, ищет, наверное, кому еще в такое время не спится...

«Ласке-то что, она молодая, сама не знает, чего шарится... Я и сам такой был. Ничего, через пару осеней собакой станет, не хуже меня», - мысленно откликнулся старый кобель.

- Ты, Барс, прав, - ответил ему про себя охотник. - Хоть и говорят, что «сила есть - ума не надо», но это не так. Без смекалки и опыта всю силу зря растратишь. Посмотри-ка на Ласку - язык повесила, снег хватает, а мы-то с тобой еще и не разогрелись на подъеме...

Уже рассветало, когда забрались на гриву. Здесь охотник остановился, потушил фонарь, убрал его в котомку и уселся перекурить. Собаки легли рядом, стали вылизываться, обгрызать налипший на лапы снег.

Далее путь лежал вверх по кедровой гриве. Было уже полдесятого, когда хозяин, обернувшись, убедился, что его собаки за ним не идут. Он сел на валежину, закурил и стал прислушиваться. Таежную тишину нарушали только неугомонные кедровки.

«Барсик зря не бегаешь, - рассуждал про себя охотник, - видать, зачуял кого-то, раз в сторону подался. Надо идти проверять».

Докурив самокрутку, он встал и пошел назад своим следом. Метров через двести собачьи следы резко свернули вниз по склону. Обе собаки кинулись галопом, хотя соболиных следов вокруг не было видно. Однако, пройдя немного вниз, охотник обнаружил свежий соболин следок. «Вот это уже лучше, - подумал промысловик, - видать горячий след, если собаки так бросились. Теперь торопиться некуда, подожду здесь, наверху, чтобы лучше слушать».

Он присел под развесистым кедром на сухую хвою и опять закурил. Но не успел затянуться, как отчетливо услышал торопливый азартный лай. Собаки лаяли вместе: Барсик басил изредка, зато Ласка заливалась на высоких нотах и подвизгивала.

- Молодцы, ребята, - сказал охотник, - быстро загнали. Раз Ласка визжит, значит, заворчал на нее соболишко на дереве или в корнях. Ну, теперь он никуда не денется, потешьтесь для азарта, пока докурю.

Молча улыбаясь удаче и похваливая в уме своих собак, охотник быстро спустился вниз, но вскоре его радость угасла. Он увидел на склоне гранитный монолит величиной с двухэтажный дом. Ласка лежала у единственного заметного отверстия под скалой и визжала, засовывая туда морду. Барсик же стоял рядом и размеренно басил. От дружного лая звенело в ушах.

Охотник снял рюкзак, достал топор, и, поставив тозовку ближе к скале, начал осматривать соболий лаз. Барс придвинулся, Ласка ревниво охраняла «своего» соболя, которого еще предстояло добыть.

- Может, и меня не пустишь, шустряга? Ну-ка, посторонись!

Но Ласка не хотела уступать, вся прижалась к земле, а сунувшегося было Барса даже укусила за шею.

- Ладно, карауль, пока я не обойду каменюку, - одобрил ее хозяин, - соболю-то ворчит, я слышал, вот почему тебя не оттащишь. Может быть там тупик? Пошли, Барсик, проверим...

Тщательный осмотр каменной глыбы ничего не дал. Соболиный след шел в единственное отверстие, которое стерегла Ласка. Срезав длинный рябиновый прут, охотник силой оттащил собаку прочь. Прут прошел метра два, упершись в стенку, а соболю сразу перестал ворчать. Это означало, что зверек ушел по изогнутому ходу далее под скалу. Собаки замолчали. Ласка, наклоняя голову то в одну сторону, то в другую, старательно слушала.

- Плохо, ребята-демократы, эдак мы останемся на бобах, - пробурчал охотник, вытаскивая прут. Ласка заняла прежнюю позицию, но уже не лаяла; умолк и спасшийся от преследования соболю, только Барс изредка подавал голос с какой-то безнадежностью и горькой обидой.

Охотник наломал сухих нижних веточек от ближнего кедра, развел костер, сел на валежину и закурил. Когда костер разгорелся, он стал усердно махать пихтовыми лапами, загоняя густой дым под скалу. Ласка фыркнула и отошла в сторону, Барсик улегся возле огня.

Коптили около двух часов подряд, но без всякого результата. Охотник плюнул с досады, быстро собрался и пошел прочь, окликнув собак. Они еще какое-то время покрутились возле скалы, но вскоре побежали догонять хозяина. Настроение у всех троих было скверное, а тут еще начался обильный сырой снегопад. Небо заволокло тучами, день стал похож на вечер, вскоре снег повалил густыми хлопьями, так что ничего не было видно вокруг. У облепленного снегом охотника вскоре промокли колени, отяжелела куртка, вот-вот должны были намочить плечи и спина, каждый кустик и ветка осыпали его снежными пластами, на одежде они превращались в слякоть и холодную воду, которая просачивалась к телу. Мутная пелена окутала всю округу. Через час снег перестал так же неожиданно и быстро, как начался, зато поднялся холодный ветер, и видимость опять резко ухудшилась. Невозможно было различить водораздельный хребет между Амбуком и Черным Танзыбеем, представлявшим собой каменную гряду, поросшую кривыми невысокими кедрками.

Собаки во время снегопада плелись сзади, но теперь они ушли вперед, их следы появлялись то справа, то слева. Выше к перевалу лес стал редеть, и охотник разглядел рыскающих собак. Они разом забеспокоились, забегали кругами. Было видно, что Барс распутывает след, а Ласка только мешает ему. Соболий наброд оказался слегка припорошенным.

- Полчаса назад прошел, - определил охотник, дую в двоянные соболиные следы. - Пусть собаки распутывают, покурить надо, передохнуть.

Собаки исчезли. Солнце опять скрылось в тучи, вновь, как это часто бывает в горах, начался густой снегопад. К тому же здесь, на высоте, не утихал холодный ветер. Намокшая одежда вскоре стала греметь как железная, морозец проникал к телу. Еще недавно зеленая тайга превратилась в заснеженный сказочный лес, где даже каждая малая ветка держала на себе снежный груз.

Соболий след вел собак по колоднику, потом через длинную каменистую россыпь перевалил в покать Черного Танзыбея. Это был кормовой нарыск, зверек петлял, пересекая свои же следы, залезал под колодины и в корни. В одном месте он откопал кедровую шишку, в другом - залез на рябину, чтобы поест мерзлых ягод. Собаки не могли за ним угнаться, они часто сбивались, давали круги, разыскивая след.

Охотник шел за ними уже полтора часа. Ему было жарко, хотя весь он промок насквозь, только ноги оставались сухими. Он понимал, что останавливаться до вечера нельзя, иначе сразу

простудишься. Руки его горели огнем, хотя рукавицы он заткнул за пояс. Наконец следы привели к зарослям невысокого пихтача на месте старого ветровала. Пихтач был таким густым и захлавленным, что пройти его оказалось невозможно, пришлось повернуть назад.

Обойдя пихтовые заросли, охотник увидел собак, которые уже бросили след и тянулись друг за другом.

- Совсем хорошо, сейчас за спиной моей поплетутся. А я-то, старый дурак, бегу за ними уже два часа. Ну, сэкономил время, аж колени дрожат... Не понять, где и находишься. Наверное, надо перевалить хребет и подаваться в Абросимовскую избушку. У костра мокрому ночевать не годится, да и продуктов мало. Ладно, пойду пока за собаками.

Между тем собаки перешли с шага на рысь, затем галопом бросились в разные стороны. Охотник увидел свежий след соболя, пересекавший его путь. Зверек прошел по колодине, и тут же соединились собачьи тропы - Ласка и Барс дальше следили соболушку вместе.

- Ладно, хоть эту, молоденькую, возьмем сегодня, скоро должны загнать, может, уже за гривой лают, стоит поспешать. Охотник опять пошел по следам, прибавляя шаг и напряженно вслушиваясь.

Неожиданно он увидел, что собачьи следы пошли в сторону от соболиных - что-то поманило лаек от прежнего розыска. Вскоре выяснилось, что их отвлек совсем свежий нарыск крупного соболя-аскыра (самца).

- Что за невезуха сегодня, - произнес вслух соболятник, - третий раз со следа скальваются. Это же старый опытный кот, его так просто не возьмешь, зато молодую самочку могли бы уже догнать. Но делать нечего.

В этот момент охотник услышал где-то далеко внизу лай собак и поспешил к ним. Поднявшийся ветер постоянно ронял с деревьев кхуту, которая падала, попадая за ворот и в рукавицы, засыпала следы, вся тайга казалась истоптанной разными зверями... Собаки лаяли под толстый кедр и уже прокопали к нему несколько дыр. Ласка отчаянно грызла толстый корень. Обойдя дерево и убедившись, что выходного следа нет, охотник приободрился.

- Звери, не собаки! Все-таки взяли, хоть и под вечер. Дотемна буду рубить, а не брошу. Ночевать останемся, да выкурим. Обдерем аскыра! Задымим большую дыру, чтобы дым разошелся по корням. Они, видать, все дуплистые, как и сам ствол. Может соболю в дупле сидит, рубить надо...

Кедр стоял на пяти толстых, с доброе дерево, корнях. Под ствол вели три отверстия, возле двух находились собаки, а третье выходило с другой стороны кедрины. Древесная болонь оказалась толстая, рубить было трудно, для такого толстого дерева не хватало длины топорика. Охотник, и без того весь мокрый, совсем упарился, скинул суконку и рукавицы, повесив их на кольшкы возле костра для просушки.

А время шло. Миновало полчаса, прежде чем топор провалился в гнилую сердцевину дерева. Из дыры сразу повалил густой едкий дым. Дупло оказалось большим, рука едва доставала противоположную стенку. Охотник сразу забил дупло пихтовым лапником и гнилушками, и теперь весь дым расходился по корням и ходам соболя. Собаки морщили носы, но не покидали своих мест. Теперь надо было убедиться, что аскыр не ушел наверх, и для этого дымарь был разведен внутри основного дупла.

«Если сидит в дупле, то минут через десять должен нахлебаться дыма и упасть, - охотник стал слушать, приложив ухо к стволу дерева. - Нету его наверху - или в корнях, или где-то в землю зарывается. Надо теперь корни рубить».

Солнце уже скрылось за хребтом, но было еще вполне светло. По чистому небу разливался оранжево-пурпурный закат. Надо было спешить.

- Под кедром ночевать неохота, - размышлял добытчик. - Лет десять назад сам всегда искал повод, чтобы у костра остаться. А сейчас такая романтика уже ни к чему, всеми силами стараюсь дотянуть до избушки, чтобы ночевать в тепле под крышей. Плохонькая изба лучше хорошего костра...

Он взялся рубить самый толстый корень. Со спины и откатанных голенищ резиновых сапог парило. Убедившись, что дупла в корне нет, он сказал Барсику, что «круг сужается». После короткого перекура взялся за второй корень. Ласка неподвижно лежала рядом, Барс ходил вокруг, изредка взлаивая, неуверенно обнюхивая и копаясь возле кедра.

Второй корень оказался с дуплом; оно было небольшое, едва рука пролезла, но там удалось нащупать соболиное гнездо из сухой травы. Охотник достал его, бросил собакам понюхать. Затем взялся за третий корень, также оказавшийся пустым. Осталось еще два...

Между тем, сумерки заметно сгущались. Барсу надоело нюхать и грызть корни - у него и так два нижних клыка сломаны - он лег рядом с Лаской, зажмурил глаза и стал клевать носом, словно пьяный мужик.

- Уработался, старый. Ласка, вишь, не спит, караулит, - бормотал охотник, снова и снова взмахивая топором. - Однако, Ласка, ты права, в твоём корне аскыр сидит, больше ему быть негде. Не выскочит - уходим, а залезет на дерево - придется остаться ночевать у костра, не впервой.

Теперь оставался последний корень. Охотник взял пихтовый веник и стал загонять дым в дупло. В этот момент Ласка кинулась к дыре, которую стерегла, и с диким визгом отпрянула назад. Соболь повис на её носу, вонзив свои острые клыки в ненавистное ему существо. Барс, вскочив, схватил зверька, но тот не отпускал собаку. В эту свалку бросился и охотник, он упал на лаек и сжал шею соболя, но не так-то просто отобрали добычу у разъярившихся псов. Наконец, Барс отпустил зверька и отошел в сторону. У Ласки из мочки носа брызнула яркая струйка крови, а охотник поднялся на ноги, держа обмякшего истерзанного аскыра.

- Всё, ребята-демократы, ночевать у костра не будем, добежим за пару часов в избушку, там уж и отдохнем как следует. Поднимайтесь!

Собаки поднялись только после того, как охотник сделал первые шаги прочь от места побоища. Мокрая одежда высохла прямо на теле, а верхняя куртка - у костра. Былой усталости уже не чувствовалось, шагалось легко, будто с ночлега вышел. Незаметно дошли до ручья, от которого до зимовья оставалось только два километра. В девять были дома.

- Заходи, ребята, в избушку, сегодня я добрый. Сейчас вам соболя с овсянкой сварю, заслужили, ничего не скажешь.

Ласка сразу под нары забралась, стала вылизываться, прихорашиваться, а Барсик видно отстал. «Наверное, где-то под кедром лапы чистит», - подумал охотник, принимаясь за обычные хозяйственные дела. Он уже сварил и себе, и собакам, ободрал соболя, а Барс не возвращался. Обеспокоенный хозяин несколько раз выходил наружу, кричал, стрелял, но все было напрасно - старик исчез.

«Что-то неладное стряслось. Может быть, где-то наткнулся и теперь соболя роет? - размышлял промысловик. - Если лает в корнях, то здесь и за километр не услышишь. В другую избушку не уйдет, кобель старый, понятливый. За всю жизнь только раз и уходил на соседний участок, так ведь это к сучке во время гона, молодой был, лет десять назад... А может на берлогу наткнулся?»

Невольно вспомнился ему прошлогодний случай. Здесь же было дело, в Саянах, на Христофорихе.

Снег огрубел, медведь уже в берлогу залег, карабин оставляли в избушке, ходили с тозовками. Ночью выпала пороша, вышли утром рано, еще затемно, все той же компанией - Ласка, Барс, да хозяин. Соболь-то любит ходить после снегопада, но километра два никаких следов им не встречалось, потом собаки разом исчезли. Вскоре они загремели где-то впереди, чуть левее, лаяли взахлеб, не умолкая.

«Наверное, соболь сидит на виду, вот они и базлают, как на зверя», - подумал охотник, направляясь на собачий зов. Немного не доходя, он стал, как обычно, делать крут, чтобы убедиться, нет ли выходного следа. Однако, соболиных следов вообще не обнаружилось, лай же не утихал. Насчет медведя он сразу не сообразил, хотя собаки явно лаяли необычно.

- Берлогу нашли! Вот закон бутерброда, пятнадцать дней карабин таскал, все плечи оттянул, а тут, как нарочно, оставил...

Ближе пятнадцати метров охотник подойти не решался. Он снял тозовку и скинул рюкзак. Что для медведя мелкокалиберная пулька? Можно убить, если к башке ствол приставить, а иначе - слону дробина, жир и тот не пробьет. Следовало отманить собак и придти назавтра с карабином.

Стараясь не шуметь, он потихоньку окликнул Ласку, потом Барса, но собаки даже не повернули голов. Кобель лаял прямо в чело берлоги, расположенное под корнями большой пихты. Ласка брехала, чуть в стороне.

Услышав хозяина, Барс осмелел и полез прямо в берлогу, так что из дыры был виден один хвост. Охотник медленно, с тозовкой в руках, подошел к этой пихте. Первоначальное чувство тревоги исчезло, он даже прислонил мелкокалиберку к стволу и стал закуривать, наблюдая за собаками. Медведь не подавал никаких признаков своего пребывания, но мог вылететь вихрем в любую минуту.

У нашего охотника был немалый опыт, на его счету значилось более шести десятков добытых медведей, причем большинство их - один на один. Он хорошо знал медвежьи повадки, попадал в разные ситуации, но с тозовкой добыл только пять косолапых. Опасность здесь очень велика, поэтому здравый смысл победил желание рискнуть, и было принято окончательное решение - отозвать собак и уходить.

- Рисковать не будем, Ласка, не стоит. А вот, как вас от берлоги отманить? Барса сейчас за хвост вытянем, а ты сама бросишь, за нами пойдешь, молодая еще. Сходим за карабином, вернемся. Если дождется -добудем, если нет - значит, не наш.

Охотник аккуратно взял кобеля за корень хвоста и сильно потянул к себе. Кобель сопротивлялся отчаянно, цеплялся лапами, злобно оцетинившись, продолжал яростно лаять. Охотник полез в карман за поводком, на миг ослабив руку. Барс тотчас же вырвался и снова исчез в берлоге. Теперь и хвоста не было видно.

Человек яростно выругался и полез в берлогу, чтобы вытащить оттуда собаку. Чело было довольно широким, но ничего не видать в темноте. Барс оглушительно лаял впереди. Вскоре охотник уперся в какое-то препятствие, лаз круто поворачивал вправо. Тут хозяин наконец-то нащупал хвост собаки и стал пятиться обратно. Но Барс сильнейшим рывком освободился и, по-видимому, залетел прямо в медвежью квартиру. Топтыгин рывкнул во всю глотку, очевидно, желая ударить незваного гостя. Но кобель отпрыгнул назад. У выхода из берлоги он перескочил через хозяина и оказался снаружи, заливаясь отчаянным лаем. Все это произошло так стремительно, что охотник даже не успел испугаться. Он еще лежал у выхода, головой к берлоге, когда прямо ему в лицо ударило смрадное дыхание зверя. Человек увидел огромную морду, маленькие злые глаза и желтую слюну, стекающую из разинутой пасти. Медвежья голова дохнула и тут же скрылась в темной глубине убежища. Охотник миглом вскочил, перепрыгнул через чело и схватил тозовку. Теперь не было иного выхода, как стрелять зверя в голову. Бешено стучало сердце, а все тело - особенно коленки - невольно сотрясала лихорадочная дрожь. Он стоял, тяжело дыша, будто после гонки на лыжах и никак не мог унять эту лихорадку, тряслись и руки, и ноги. Медведь не показывался. Барс опять лаял у самого чела, но решение взять его на привязь отпало. «Нельзя так испытывать судьбу, своя жизнь дороже». Охотник попятился к рюкзаку, закинул его на плечи, отошел метров на двадцать и стал громко звать собак. Ласка вскоре пришла, а Барсик продолжал голосить.

- Надоест лаять - сам придешь, а мы с Лаской пошли, - сказал хозяин и стал подниматься вверх на гриву, делая затески топором, чтобы не потерять берлогу.

На самом гребне он остановился, обтесал толстое дерево со всех сторон, сунул топор в рюкзак и закурил махорку. Громко свистнув напоследок, он стал спускаться в соседний ручей.

Барс вернулся в избушку только поздно ночью, когда все уже спали. Наутро охотник не застал медведя в берлоге - от нее вели прочь огромные свежие следы. Гоняться за ним не стали - такой зверь по неглубокому снегу может пройти десятки километров через несколько хребтов. Спал охотник беспокойно, часа в три опять выходил и стрелял, потом уж и вовсе не спалось - думы одолевали...

«Снежок на дворе подсыпает, если к утру разойдется, и следов не найти. Помню, раз добыл лося в километре от избушки, ободрал, разделал у костра и пошел в зимовье ночевать. Место знакомое, затесок не делал, а ночью как снег шарахнул, даже луночек от следов не осталось. Искал до обеда, без Барса так и не нашел бы.

...А завтра по свежему снежку только соболя и тропить. Собаке-то его догнать - делать нечего. Ласка неопытная, ей еще осень-другую с Барсом поучиться, пока станет самостоятельная. Может придет к утру кобель? А если нет - пропала осень... Неужели опять берлогу нашел? Тогда должны услышать. Или в капкан браконьерский угодил? Тем более, подаст голос. Нет, надо идти, все равно не уснуть...»

Предрабсветная тайга сумрачна и молчалива, ни звука, ни шороха, все ее обитатели еще спят. Но шаги и негромкая речь нарушили тишину:

- Пошли, Ласка, к рассвету поднимемся на вчерашнюю гриву, а там будет видно. Ты, вот, и в темноте не спотыкаешься, бежишь хоть бы что, а я так не могу. На сучке глаз оставлю, будет висеть и моргать - кому, скажи, это понравится...

Они взяли направление вверх на хребет, как говорят, «в утык». Шли не торопясь, обходя валежины, каменные гряды, бурелом и густое мелколесье. В иных местах приходилось преодолевать напрямик нагромождения валежника и ветровала. Собака пробиралась под колодинами, охотник перелезал поверху. Через полчаса стало жарко, пришлось снять рукавицы. Когда выходили на гриву, стало брезжить, небо на востоке посветлело, можно было тушить фонарь, точнее - слить с карбидки воду. После этого лампа еще минут 15 горит, потом гаснет сама.

К восьми часам поднялся ветерок. Вершины деревьев зашумели сначала еле заметно, потом все сильнее, а через час гудела уже вся тайга. Вчерашние следы замело, снег бросало зарядами - то идет он, то перестанет. Чувство тревоги и неуверенности не оставляло охотника.

Где-то впереди залаяла Ласка. Оказалось, лает на высоченную заснеженную пихту. «Тут медведь залезет, и то не увидишь», - произнес про себя охотник сибирскую поговорку, но все-таки выстрелил из тозовки по стволу. Чуть шелохнулся снег на самой макушке, а после второго выстрела упала белочка. Поймав ее на лету, Ласка жамкнула зверька, невзирая на крики хозяина.

- Что за псина, никак не могу отучить! Это же белка, не соболев, каждый укус как на ладони, шкурка дефектируется, цена снижается, как ты не понимаешь. Ладно, пошли, ищи Барса, вчера где-то здесь он откололся.

Из этой длинной речи собака могла лишь догадаться, что ее ругают за покусанную белку и вспоминают ее отца Барсика. Она весело поглядывала на рюкзак, где болталась привязанная сверху белка.

- Перейдем на ту гриву да сушиться надо. Тебе бельчонку скормлю, себе чай буду варить. Обдумаем, что делать дальше, где искать Барса. Вторые сутки снег валит, еще немного, и собаки не смогут бегать, выходить надо. Целый год ждешь отпуска, словно пирога из печи, а походил неделю, и завалило, снег оглубел, одно расстройство...

Косогор незаметно привел к вершине ручья, где лес был редким. Перед большой открытой еланью Ласка прыжками кинулась вперед.

- Верно, марала зачужала, они любят пастись по еланям. Ладно, разомнись, побегаешь, да поймешь, что к чему. Вот Барс, тот ни за кабаргой, ни за маралом не пойдет. А ведь правда, вон и маральи следы. Теперь Ласка не сразу вернется, надо остановиться, костер развести. Пока ее дождешься, можно чаю напиток и одежду высушить.

Окинув привычным взглядом округу, охотник направился к толстому полусухому кедру, стоявшему в самом истоке ручья. Под стволом виднелось сухое сено, натасканное пищухами, кстати оказались и засохшие кедровые сучки. Развести невдалеке костер не составило усилий. Охотник скинул суконную куртку, пиджак, сапоги, портянки и развесил все это вокруг огня, стоя в носках на «шадачине», как называют в Саянах сено, заготовленное пищухами («шадачками»). От одежды вскоре повалил густой пар. Пока грелся чай в котелке, охотник ободрал белку, протер мездру снежком, вывернул мехом наружу и опустил шкурку в карман рюкзака. Потом извлек пласт сала, большой кусок хлеба и стал жевать, с аппетитом закусывая луковицей. Бросив в закипевший чай хорошую горсть заварки и сахара («по-купечески»), он закрыл котелок рукавицей-верхонкой и стал одеваться. Обувшись и одевшись, с наслаждением выпил весь котелок и в изнеможении откинулся спиной на толстый ствол кедра.

Тем временем прибежала Ласка; она тяжело дышала, хватая снег.

- Поняла, что нечего лайке бегать за копытными зверьями понапрасну? И рябчиков нельзя гонять, этому я тебя уже научил. Набегаешься зазря, потом и за соболев идти не захочешь. Вот глухарей надо лаять, а ты пока не умеешь. Держи белку, отдыхай, да подадимся...

Снег перестал, и сразу похолодало. Долгое время шли молча, но никаких следов не встречалось. Собака шныряла вокруг, появляясь то справа, то слева. Где-то вдали проклюкал ворон, словно ложкой по сковороде ударил, и опять наступила тишина.

Охотник снова присел на колодину, закурил и стал слушать. Он уже докуривал самокрутку, когда явственно различил лай, только не мог разобраться, где же лает собака - в горах сразу не определить. Он вслушивался, стоя, сняв шапку. За долгие годы охоты человек научился отличать лай своих собак от чужих, более того, он определял по голосу, какого зверя или птицу облаивает его пес.

- Точно, внизу, только собаки чужие. Что ж, встречусь со своими соседями, потолкуем. Может, кто Барса видел. Надо сходить, повидаться. Кажется, в этой стороне стоит охотник по прозвищу Щелчок, но встречаться с ним еще не приходилось.

Ласка обогнала хозяина, быстро спускавшегося вниз по склону. Собаки были уже близко, когда послышался выстрел, и лай сменился криками с руганью. Затем послышались визг и рычанье, охотник понял, что собаки подрались и поспешил разнять их. Ласка смяла и придавила сучку Щелчка, а его лохматый кобелишка с лаем носился вокруг. Хозяин пинал собак и отскакивал, не решаясь к ним подступить и отчаянно матерясь.

- Хватай свою за хвост! - крикнул подбежавший охотник. - Да быстрее! Так! Теперь тянем в разные стороны, рывком, чтоб не грызлись. Ну вот, скорей привязывай сучку, а кобель пусть бежит.

Собаки зализывали боевые раны, а охотники, скинув котомки, уселись на лесину и закурили, разговорившись, словно старые знакомые.

- Ты, паря, не смотри, что твоя мою-то в корнях зажала, моей уже девятая осень, видит, что молодняк, вот и поддалась... Раньше вообще прохода собакам не давала, ух и дерзкая была, всех шерстила без разбору, а щас не то, ослабла маленько.

- Дак девять лет назад ты и сам, небось, дерзкий был? А теперь?

- Что ты, паря, и не говори. За день столько выхаживал, теперь и за три не пройти. Бывало, выхолил утром из Черемшанской избушки, обедал в Абросимовской, а к вечеру в Румянцевскую спускался. Дак это с охотой. Еще мог той же ночью на Ою уйти, а там девять бродов. Ночью там порежую хайрюзов, а утром назад. Во как! Теперь совсем не то, коленки болят. Ноги вроде ничо, спина держит, а коленки скрипят, ломота в них, хожу на полусогнутых. Скрипят как ржавые, хоть тавотом смазывай... Мне ноне ученика дали, молодой парнишка, бегаёт как сохатый, я за ним поспеть не могу. Сегодня его в другую сторону отправил, сам пошел один. Вчера ходили вместе, упустили соболя. Ярый, кобелишка мой, загнал в колоду, а взять не могли.

- У тебя, смотрю, обе собаки козырные: сучка дерзкая, кобель ярый.

- Так и есть. Кобелю сынишка дал кличку - Ярик, он как танк прет. Вот вчера загнал в колодину; я к вершине пошел, собаки - на середине грызут, а Витька, помощник-то, стоял у комля. Я стукнул по колоде, соболя разом вылетел, да и след простыл. Кинулись мы, тут и стемнело...

- А я вчера вовсе собаку потерял. Кобель здоровый, белый. Уже домой шли, он вечером будто сквозь землю провалился. Не встречал его?

- Встречать не встречал, а слышать слышал. Вчера поздно уже, перед ночью, долго кто-то на той гриве лаял. Грубый такой голосина. И выстрелов не было. Я уж ночевать пошел, а собака все ревела на одном месте. Голос прямо как у зверя.

Наш охотник разом встрепенулся, сердце подсказало - все правда!

- Конечно, Барсик! У него на медведя бас, как у Шалапина. Покажи точнее, какая грива, где ты его слышал?

- Эвон, видишь, чернеется с той стороны Амбука, вроде как шишка выдается. Туда часа три ходьбы отсюда. Этой стрелкой к ручью надо спуститься, поймой до Амбука, там речку перейти на ту сторону и в утык на сопку вылезти. Там нынче много ореха было, даже на зиму остался, присох крепко; и медвежьи следы осенью часто попадали.

- Надо мне быстрее идти туда. А избушка там какая близко есть?

- Как нету? Есть. Бандитская называется. На ту сторону гривы спустишься, приподняться надо к развилке, в ней-то изба и стоит, от ручья метров двадцать, не больше. Найдешь запросто. Сегодня там наверное мой напарник Сашка ночует, дак может к нему кобель прибился? Как раз у него сучка гоняется.

- Все, дорогой, пойду, а там как уж повезет. Найду зимовье - ночую, а нет, так и под кедрой не проблема, нам не привыкать...

Охотники докуривали, попрощались и разошлись. Времени оставалось в обрез, чтобы засветло добраться до «шишки». В глубокую долину Амбука спустились без приключений. Речку вспучило, забило шугой древесные заломы, перейти ее вброд нечего было и думать. С трудом удалось найти переход по упавшему стволу кедра.

- Пошли, Ласка, отдыхать не будем, ничего не поделаешь. Надо послушаться мужика, он местный, угодя знает. Вот это крутяк, хоть на четвереньках лезь, один бадан, его снегом присыпало, будешь скользить, словно на льду. Все равно, надо лезть, ничего не поделаешь.

Минут через сорок взобрались на гриву, она оказалась ровная и чистая, почти без валежника. Снег здесь был испещрен свежими следами пищух, белок и соболей. Ласка вскоре залаяла на небольшую кедрушку, вершина которой была увешана шишками. Разглядеть белку там не составляло труда, после выстрела она сразу скатилась вниз. Не успел охотник ее поднять, как снова раздался лай собаки. Вторая белка застряла в сучьях, за ней пришлось лезть - бросать нельзя, хоть и мало оставалось светлого времени. Солнце уже коснулось вершины Ойского хребта, надвигался вечер, и надо было думать о ночлеге.

Следы Ласки резко повернули вправо, собака шла галопом по свежему соболиному нарыску.

- Гонный соболек, верно услышал стрельбу и пошел наутек. А может на глаза Ласке попался. Сейчас должна залаять. Фартит, однако...

Не успел охотник так подумать, как, действительно, услышал лай, причем совсем близко. Собака подавала голос на довольно крупный кедр, всем видом показывая, что зверек где-то в кроне. Обнаружить зверька на дереве удалось только после третьего выстрела. Соболя пробежал по сучку и скрылся за стволом.

- Все, Ласка, ночуем у соболя. Уже темнеет, стрелять бесполезно, только время и патроны зря тратить. Надо готовить дрова, ночевать, утро-то, как известно, мудренее...

Больше часа ушло на подготовку ночлега, пока охотник таскал сушняк, рубил сушину для костра и лапник на подстилку. Костер он сделал небольшой, зажарил на огне задки белок, передки отдал

собаке. Сварив чай, он положил на костер две сушины, а сверху комель сырой пихты. Ласка улеглась под кедром, где оставался соболь. Время от времени, когда он шевелился в кроне, она вскакивала, бегала вокруг, караулила зверька, но не лаяла.

Время тянулось медленно. Сытно поужинав, охотник дремал, повернувшись спиной к огню, часто просыпаясь и поправляя дрова. Кое-как скоротав ночь, уже под утро, он сидел, ожидая рассвета и опять пил густой чай, стараясь согреться, преодолевая утренний озноб.

- Еще часок - и стрелять можно будет, - размышлял он вслух, вновь и вновь обращаясь к собаке. - Соболь тоже, верно, замерз. Смотри, он или заворчит, или ходить начнет, так что посматривай. Сейчас сушняка подбросим для сутрева, а там и светать будет...

Как только стали различимы ветви и вершины деревьев, охотник отошел от кедра и стал пристально всматриваться. Ласка следила за каждым его движением, но и с дерева не спускала глаз.

- Ну, смотри, стреляю, сейчас должен шевельнуться!

После выстрела соболь не выдержал, метнулся по сучкам. Ласка залилась отчаянным голосом, отчего зверек стал бегать по дереву еще быстрее, так что охотник никак не мог поймать его на мушку и дважды промахнулся. Соболь кинулся вниз, приготовился прыгнуть, но в этот момент пулька попала ему в голову. Разом обмякнув, он медленно свалился в зубы собаке, поймавшей его на лету.

- Молодец, Ласка! Так и надо начинать рабочий день! Потрепи его, пока я соберусь, да пошли. Что уж он так тебе приглянулся, расстаться с ним не можешь. Даст Бог, не последний... Правда, хорош аскыр, серебро по всей спинке, как у камчатского. Давай уберем, да не суй ты нос в рюкзак, теперь не убежит...

Они быстро поднялись к вершине хребта, где им перед самой «шишкой» попались засыпанные снегом следы медведя. Охотник пошел по ним, Ласка убежала вперед. Поднималось солнце, когда путь преградил непролазный пихтач, возникший на месте старой гари. Горельник был настолько захламлен, что пройти здесь не удалось. Ласка куда-то девалась, ее следы пропали из глаз. Охотник опять, как всегда в трудных случаях, присел и закурил, прислушиваясь. Ему показалось, что где-то далеко не то взлаяла, не то взвыла собака. Он засек направление по компасу и стал слушать, но ничего больше различить не мог.

- Надо бежать туда, где послышалось. Непонятно мне, что за вой. Правда, неопытные собаки воют, если заблудятся, так на Ласку не похоже, она не блудит. Неужели Барсик? Тогда Ласка должна к нему идти, пойду искать ее след.

Взятое им направление вело вниз вдоль гривы, идти было легко, но все равно охотник вскоре вспотел от ходьбы и переживаний. След Ласки пошел круто вниз, пересек сухой ложок и вновь повел на подъем. Лес здесь опять был захламленный с густыми куртинами. И снова попались на глаза запорошенные медвежьи следы. «И куда она меня тянет?..»

Не успел он сам себе ответить, как внезапно перед ним возникла Ласка. Она подбежала галопом, прыгнула, лизнув хозяина в нос, и бросилась назад своим следом.

Устремившись за нею, охотник вскоре услышал поскуливание собаки где-то совсем близко. Пробираясь сквозь густой пихтач, он вышел к небольшой поляне, на которой увидел двух своих собак. Барсик лежал на боку, весь в крови, живот его был разорван, виднелись вывалившиеся кишки. Ласка лизала ему глаза, морду, уши. Увидев хозяина, кобель попытался встать, но тут же упал, глаза его закрылись, только кончик хвоста шевельнулся. Потом он приоткрыл глаза, как бы с благодарностью, из них на снег скатились крупные капли слез, оставляя в снегу луночки.

Что мог увидеть умирающий пес в эти последние мгновения своей жизни? Может быть, события предыдущей, гибельной для него ночи?

...Запах крупного зверя он прихватил вчера примерно за километр до избушки и решил пойти проверить. Пробежав с километр, кобель остановился, уткнувшись носом в свежий след медведя. Забыв обо всем на свете, Барсик помчался по этому следу, которым зверь шел к своей старой прошлогодней берлоге, расположенной за двумя хребтами. Инстинкт гнал медведя именно в ночь накануне сильного снегопада. Зверь двигался быстро, тяжело дыша и широко расставляя ноги. Он накопил достаточно жира для надежной зимовки. Назавтра снег надежно скроет его следы.

Только в начале ночи Барс оказался у берлоги. Вокруг все было истоптано зверем, к челу вели три широкие темные полосы. Это медведь таскал мох, траву и сухие листья на подстилку.

Кобелю нередко приходилось иметь дело с косолапыми, опыт его охоты был велик, однако, он не умел считать и не знал, что хозяин добыл с ним уже тридцать девять медведей. Знай это Барс, может быть и не сунулся бы к зверю в одиночку, но азарт взял верх над осторожностью...

Лаять в чело пришлось недолго - зверь еще не улегся и сразу услышал непрошеного гостя. Это

был старый и опытный медведь-самец, он не раз встречался с лайками и не боялся их. Другое дело - человек, который может идти следом. Но человека с ружьем на этот раз не было.

Сначала медведь пытался достать Барса лапой, не вылезая наружу, но ловкий кобель успевал отскакивать в сторону. Медведь пытался обратно, злобно фыркая и «фукая», стараясь отпугнуть врага. Так продолжалось до самого утра. У кобеля болело горло от непрерывного лая, он отчаянно звал хозяина, а тот почему-то не приходил...

Наутро, когда совсем рассвело, медведь не выдержал надоедливости лая, стремительно выскочил из берлоги, едва не стоптав кобеля, и бросился наутек, куда глаза глядят. Барсик молчком помчался за ним.

Под древесным выворотнем медведь остановился отдохнуть, подготовившись к обороне. Настырный пес не унимался, забегая с разных сторон и норовя цапнуть зверя за «штаны». Когда это ему удавалось, медведь с ревом бросался вперед, отгонял собаку и возвращался, прижимаясь спиной к спасительному выворотню. Отдохнув, медведь вновь побежал прочь, но атаки кобеля продолжались. Медведь не устал от этой погони, его более всего раздражал неумолчный лай. Зато силы кобеля были на исходе, он утомился от продолжительного бега, к тому же не ел уже больше суток. Барс был уже готов бросить это безнадежное дело, но собачья гордость не позволяла, хотя силы слабели с каждым часом.

Медведь ненадолго оторвался от своего преследователя, но Барсик снова догнал его. На этот раз зверь задержался в глухом завале, заросшем щетиной густого пихтача и кустами жимолости. Он спрятался в узкой расщелине между двумя вывороченными кедринами, впереди же была небольшая чистая полянка.

Кобель едва пробрался сквозь заросли, и поединок возобновился. Барс совсем охрип, ноги его дрожали, хотя тренированное тело оставалось по-прежнему ловким. Молниеносные выпады зверя, когда он пытался схватить врага, парировались мгновенными бросками собаки. Иногда псу удавалось схватить мишку за гачи, и это еще более раззадоривало хозяина тайги, придавало ему сил и ярости.

Неизбежное свершилось. В один из очередных бросков кобель на доли секунды замешкался. То ли сказалась усталость, то ли задние лапы зацепили ветви жимолости, но этого момента оказалось достаточно. Страшный удар, способный перебить хребет лосю, обрушился на собаку. И тут же последовал второй. Барс отлетел метров на пять, упал на снег и больше не поднялся.

Медведь подошел к собаке, брезгливо понюхал поверженного врага и, даже не тронув его больше, с достоинством удалился.

Через несколько часов Барсик пришел в сознание, ощутив страшную боль в груди. Первый удар пришелся по грудной клетке, были сломаны ребра. Вторым ударом зверь угодил по животу. Попытавшись вскочить, кобель упал в лужу собственной крови, вновь потеряв сознание, хотя сердце продолжало биться.

Очнувшись еще раз, Барсик увидел Ласку и услышал ее необычный завывающий лай. Она стояла над самой головой отца, радостно глядела на него и виляла хвостом. Барс тоже хотел вильнуть хвостом, но уже не мог. Ласка сперва прилегла рядом, потом вскочила и бросилась искать хозяина. По виду собаки и запаху крови она поняла, что случилась беда.

...Охотник стоял на коленях, глядя Барсика по спине. Он даже забыл снять ружье и рюкзак. Старый кобель уже никак не реагировал, жизнь оставляла его, глаза были закрыты, дыхание прервалось.

- Верный мой друг, погибаешь у меня на глазах, и ничем тебе не помочь. На сороковом звере сплосшал, недаром такая примета, оказался он для тебя роковым. Народные поговорки бьют не в бровь, а в глаз, только зря они собак обижают. Разве можно говорить «злой как собака» или уж вовсе непотребно звучит «собаке - собачья смерть...». Ты прекрасно жил, отлично работал и достойно умираешь. Открой хоть глаза, прощаемся...

Напрасно просил охотник. Его четвероногий друг уснул вечным сном, а слезы теперь катились уже из глаз человека, застывая сосульками на щеках и бороде.

Уложив собаку под толстым слоем мха и навалив сверху большой кедровый корень, охотник вырезал ножом на ближнем дереве:

«Здесь 10 ноября 1983 года от сорокового медведя геройски погиб мой Барсик».